

На изломе цивилизации

С 2009 года стало очевидным, что мир вступил в новую эпоху развития. Постулаты нелиберальной экономики оказались разбиты глобальным экономическим кризисом. Впервые с Великой Депрессии 30-х мировой ВВП откатился назад. Старые догмы об устойчивом развитии послевоенного мира перестали существовать. Вашингтонский консенсус — «глобализация и либерализация установят демократию и построят прекрасный мир для всех» — оказался пустой иллюзией.

На наших глазах происходят небывалые события мирового значения. Арабская весна, аннексия Крыма и гибридная война в Украине, брексит Британии, усиление европейских правых, победа Трампа, создание халифата «Исламским Государством» в Сирии и Ираке, угроза войны между НАТО и Россией — это явно не то, что обещали нам основатели послевоенного мирового порядка. Уверения в том, что мир завтра будет лучше чем вчера оказались пустышкой, вера в завтрашний день разбита на множество осколков.

Чтобы разобраться в происходящих событиях и тенденциях необходимо взглянуть на базовые закономерности развития цивилизации. Увидев фундаментальные основы, происходящее больше не будет казаться хаосом.

Принципы развития цивилизации

В первую очередь нужно отметить, что никакой единой непрерывной человеческой цивилизации никогда не существовало. Это заблуждение марксистских и либеральных теоретиков, основанное на вере XIX столетия в линейный прогресс. Одну и ту же территорию по много раз занимали разные народы. Их культуры могли бурно развиваться, а потом деградировать, могли быть уничтожены завоевателями, или могли быть изолированы географически. Как замечал Кропоткин в [«Государство и его роль в истории»](#), цивилизации появлялась много раз, в разные исторические времена, в различных уголках планеты.

Вторая характерная черта — пути развития различных народов оказались крайне схожи. И в Египте, и в Месопотамии, и в античности цивилизация проходила один и тот же путь развития. Сначала первобытные племена мало-помалу оседали на земле, потом сельская община эволюционировала до городов, которые в свою очередь складывались в страны. Они могли вовсе не оказать влияния друг на друга.

Третий важнейший принцип - на каждом этапе развития общества прослеживались два отчетливых разнонаправленных вектора. С одной стороны тенденция централистская, когда свою власть пытались навязать вожди, феодалы или императоры. С другой стороны тенденция федералистская, которая стремилась установить власть схода племени, городского самоуправления (вече) и советов межгородских федераций.

Почти всю мировую историю имперское начало одерживало верх над федеративным началом. Однако победа раз за разом оказывалась пирровой. Достигнув абсолютного могущества, империи постепенно утопали в абсолютизме, придворных интригах и бюрократизме. Общество костенело, торговля и искусство приходили в упадок, отчуждение порождало апатию и нежелание стоять за общественные интересы. В такой момент обычно находилось воинственное племя, которое разрушало сгнившую изнутри цивилизацию.

Древний Рим

Современная европейская цивилизация возникла на руинах римской в V веке нашей эры. Новые государства и племена либо ранее входили в состав Рима в качестве провинций, либо вращались на его орбите. Европа прошла стандартный путь развития, лишь последние 200 лет оказались не типичными по сравнению с культурами прошлого. Но об этом речь пойдет в другой главе.

Сейчас же речь пойдет о нашем непосредственном предшественнике - Древнем Риме. Его история сохранилась лучше других, на его примере мы сможем разобрать классический ход развития цивилизации.

История Древнего Рима насчитывает более 1200 лет. Изгнав царя и преодолев сословное неравенство плебеев и патрициев, римляне решили устроить свою политику по образцу прямой демократии греческих [полисов](#). В отличие от греков и других морских народов римляне не занимались торговлей. Каждый мужчина являлся землепашцем, имел участок земли для обработки, что обуславливало его материальную независимость. Римлянин - признак свободного человека! - не платил налогов, любые денежные сборы были разовые и носили конкретный характер. Высшей властью в Риме стал Форум, общий сход, на котором высказывались и голосовали граждане. Что примечательно, любая политическая должность была неоплачиваемой. Для римлянина высшей наградой считалось уважение окружающих, возможность проявить личные таланты и сделать вклад в общественное дело.

Римская культура строилась вокруг чувство собственного достоинства. Презирался наемный труд, наемничество - синоним рабства. Например, кредитор имел право превратить своего

должника в раба. Торговля и ростовщичество презирались. Достойными занятиями считались пахота, ремесла и война. Как и политика, война была делом чести, а не заработка. Каждый легионер обеспечивал себя амуницией и провиантом самостоятельно, право участия в войне само по себе признавалось наградой. Лучшее украшение дома считались доспехи и оружие поверженного врага, а также гипсовые маски лиц умерших.

Детям прививалось самоуважение в духе философии стоицизма, гражданские права заучивались наизусть, философский идеал стоицизм. Уважение, признание заслуг, кристальная честность, верность слову, непоколебимое мужество, красноречие, интеллект, обеспеченность собственным трудом - стандарт римской культуры. Богатство не считалось важным показателем, роскошь и невоздержанность презирались. Даже легендарный полководец Сципион Африканский, победитель Ганнибала, перед осадой Карфагена просил сенат освободить его от должности. Причина - смерть единственного раба, некому стало обрабатывать его участок земли. И Сенат еще рассматривал, возможно ли содержать Сципиона за общественный счет. Это в ситуации, когда само существование римской цивилизации висело на волоске! Настолько фундаментальным считалась бескорыстия в римской культуре.

Покоренные города противников Рим данью не обкладывал, до поры до времени. Они лишь обязывались к союзу с Римом и ограничению в праве вести войны самостоятельно. Легионеры строили дороги, акведуки, общественные здания, завоевывали сердца поверженных своей культурой. Настолько фундаментальным было римское уважение.

Однако с победой над Карфагеном в Рим хлынули рабы, - число которых достигло 30% населения Италии, - а также богатство и роскошь. Завоеванные карфагенские провинции были обложены данью. Так закончился Золотой век римской демократии, и началась знакомая нам по фильмам картина Рима потребительского.

Как именно это произошло? Во-первых, укоренилось имущественное расслоение. Купля-продажа земли были и раньше, однако общественные нравы препятствовали накоплению. Также сказывался естественный предел: усилия, необходимо для обработки земли одной семьей. Но если раньше количество земли и цена на нее были неподъемными для создания крупных хозяйств, то теперь ситуация изменилась. Захваченные богатства, территории и рабы сделали возможным концентрацию земли в руках состоятельных граждан, которые активно скупали землю у малоимущих римлян. Таким образом появился огромный класс безземельных, неимущих римлян.

Во-вторых, в римской культуре работать на другого считалось неприемлемым. Быть в кабале у другого означало быть в рабстве. Неимущим оставалось либо жить на социальное пособие (оно существовало уже в те времена), либо идти служить в армию, превратившуюся в наемную. Налоги, наложенные на многочисленные завоеванные провинции, позволяли такие траты.

Соответственно, произошли изменения и в культуре. Стало уважаться богатство, состоятельные граждане щеголяли роскошью. Радикальное изменение нравов не могло сказаться на политическом устройстве. Сенат все больше попадал под власть олигархических групп.

Политические популисты прельщали народ бесплатными раздачами хлеба и кровавыми зрелищами гладиаторских боев (массовая культура тех лет). Общественные должности, голоса избирателей, места в Сенате стали - что раньше было немислимо - открыто продаваться.

Новые порядки встречали сопротивление: вспыхивали революции. Братья Гракхи, социальные революционеры тех лет, проводили через плебисцит форума решения о перераспределении земли в пользу граждан-трудящихся. Так республика должна была вернуть свой демократический дух. Но борьба между Форумом бедняков и Сенатом богачей закончилась победой последнего. Ненадолго. Республику сотрясали конфликты олигархических кланов, гражданские войны, временами к власти прорывались тираны. В конце концов, республика пала, во главе Рима стал пожизненный император. Несколько столетий римляне выковали свой дух и культуру, но всего за один век после победы над Карфагеном народ оказался развращенным и утратил свободу.

Согласно подходу Кропоткина централизация в конечном итоге убивает цивилизацию. Римская Империя продлежала себе жизнь новыми завоеваниями и расширением территории. Но не в этом главная причина политического долголетия. В отличие от обычных аграрных (феодальных) деспотий, Рим обладал важным преимуществом: городами. Вчерашние варвары стремились в римские города, которые предлагали динамичную, разнообразную, качественную жизнь. Иммиграция давала городам свежий приток пролетариата.

Однако через одно-два поколения люди чувствовали себя слишком «горожанами» для производственных работ. Стать «кем-нибудь», лишь бы лопатой не махать, знакомо? Потомки иммигрантов, а также выкупившие себя рабы, впитывали городской комфорт и не спешили работать руками. Стать клерком, затейником, легионером, авантюристом, в конце концов, просто безработным обывателям на социальном обеспечении - куда более привлекательной доля! Количество социальных иждивенцев в миллионном Риме достигло 200 тыс. человек!

В империи разложение нравов продолжало усугубляться. Основным времяпрепровождением римлянина стали праздность, посещение мест культуры и развлечений, хождение в гости. Пышным цветом расцвели всевозможные оккультизм, ассоциации спортивных болельщиков гладиаторских боев и гонок колесниц, с причитающимися массовыми драками фанатов. Семьи переставали заводить детей, чтобы не обременять себя, молодежь увлеклась путешествиями по провинциям империи. Христианство пыталась изменить порядки и нравы, но в итоге была интегрирована в систему власти (как позже и социалистические движения XX века).

Постоянно рос управленческий аппарат, усложнялись законы, армия увеличивалась в несколько раз, до полумиллиона солдат! Достигнув максимальных границ, Рим уже не смог обеспечивать достаточный приток рабов. Труд невольников как основа экономического процветания уступил место «свободным» рабочим. Денег не хватало, налоги росли, реформы оборачивались еще больше бюрократизацией. Империя испытывала острые экономические кризисы, периодически распадаясь на самостоятельные государства. Римская цивилизация теряла свою былую привлекательность для широких деревенских масс, этого топлива городов.

Прогресс технологии с увеличением производительности труда пытался компенсировать недостаток тружеников. Появились мануфактуры и поточное производство, колесный водяная мельница, бетон и многоэтажные дома, и даже первая паровая турбина. Таким образом по своему технологическому уровню Древний Рим соответствовал Европе на ранних стадиях индустриализации конца XVIII века! Но этого оказалось недостаточно.

Последние годы Рима... Сельское хозяйство в упадке, зерно закупается в Египте, по стране разгуливает бандитизм, виллы богачей обзаваются стенами и охраной. Маленькие города приобретают типичный европейский вид: тесные улочки, скученные дома, толстые стены. Сельских жителей и ремесленников закрепощают, люди бегут к... варварам! Новобранцев в армии клеймят, чтобы не дезертировали. Империя городская трансформируется в типичную империю феодальную. В итоге сами граждане открывают ворота Рима вестготам Алариха. А ведь когда-то сотни тысяч римлян погибли, чтобы отстоять город от Ганнибала!

Римская цивилизация прекратила свое существование. Часть земель была заселена новыми племенами, другая часть - осколки империи — сохранили римские атрибуты, но уже с феодальными порядками.

Начало европейской цивилизации

С V века нашей эры зарождается европейская цивилизация. Племена постепенно переросли в оседлые общины, образуются города. В XII веке Европа вступает в свой Золотой Век. Бурно развивается [городская коммуна](#), эпоха Ренессанса создает шедевры искусства, зарождаются идеи гуманизма. Долгое время шла борьба между федерациями городов против амбиций королей, феодалов и церкви. Но в XV-XVI виках короли смогли склонить чашу весов в свою сторону, хотя магдебургское право (частичное городское самоуправление) сохранилось вплоть до XVIII века.

Было бы неверным идеализировать политическую систему вольных городов. Как и греческие полисы античности, они были противоречивы. Нередко над самоуправлением становилась некая элитная прослойка. Например, власть могла быть узурпирована местной аристократией, богатыми цехами или купечеством. Но также нередки были внутренние революции народа против узурпаторов. Большую роль играло духовенство, эдакий троянский конь и союзник интересов королей. Также нельзя не учитывать, что общество в то время было патриархально, городская правовая система не распространялась на крестьян, города могли проводить вполне империалистическую политику. Эти внутренние язвы разъедали социум изнутри и облегчали королям задачу покорения земель. На эту тему рекомендую Мюррея Букчина [«Реконструкция общества»](#)

С установлением власти королей и феодалов происходит все большая централизация общества, государственная бюрократия вытесняет самоуправление, а крестьян массово закрепощают. Европа окунается в бездну войн и религиозных распрей Реформации (предвосхитившей тоталитаризм), экономика деградирует, общество костенеет. Кучка знати и духовенства под патронажем королей довлеет над полурабским населением.

К XVIII веку Европа прошла все типичные циклы развития и упадка цивилизации. Централизация возобладала над федерализмом, империи начали есть самих себя, на пороге замаячила гибель. Однако тут случилось небывалое: колесо истории повернуло в сторону свободы.

Индустриальная эра

К концу XVIII века в Европе сильно укрепилось третье сословие, т.е. простолюдины. Широкий технический прогресс, развитие механизации в мануфактурах, совершенствование парового двигателя и прядильных машин создали условия для бурного роста промышленности. Аристократия, традиционно получая доходы с земли, экономически все больше уступала классу состоятельных горожан-собственников, т.е. буржуазии. В погоне за прибылью землевладельцы усиливали эксплуатацию крестьян, что разоряло их еще больше. Обездоленные крестьянские массы бежали в города, в рабочие предместья. Новые машинные производства позволили занять огромные массы бедняков (чего не смог Рим) и получать крупные прибыли.

Технический прогресс также способствовал взрывному развитию печатного слова. Во много раз выросло количество типографий, газеты и брошюры стали гораздо доступнее. Если раньше новость распространялась около месяца, то теперь — несколько дней.

Новая социальная среда — буржуазия, ремесленники и пролетариат — явились благодатной почвой для демократических идей. Итогом стала Великая французская революция, свергнувшая монархию и установившая республику. Франция стала примером для всей Европы, а наполеоновские армии разнесли революционные идеи повсеместно. Конечно, потом был реванш и Бурбоны снова забрались на трон. Но в умах людей произошли кардинальные перемены. Концепции политического абсолютизма и феодализму был нанесен смертельный удар. Аналогичные процессы еще раньше произошли в Англии в XVI веке, и, накануне, в Северной Америке в 1775 г.

Вместо гибели Европа сделала решительный шаг в сторону демократии, став на уровень позднереспубликанского, олигархического Рима. То есть и не демократия, и не диктатура. Парламент, как в свое время римский Сенат, стал олицетворением коллегиальной власти капитал имущих.

Французская республика богачей была, как и поздний республиканский Рим, конструкций непрочной, промежуточной. С одной стороны, причина была в концентрации капитала, в его естественном стремлении к монополии. Ведь самое верное средство для достижения и удержания монополии - неограниченная власть, диктатура. С другой стороны, малая и средняя буржуазия противятся монополизму, стремясь сохранить равные условия конкуренции и политический либерализм. С третьей стороны, освободительные идеи находят своих сторонников среди народа, часто его наиболее образованных слоев. Они стремятся к ранней, демократической форме римской республики, вплоть до прямой демократии Форума.

Кроме политических баталий сам дух эпохи делал Европу сверхдинамичной. Почему так? Все предыдущие цивилизации, в лучшем случае, овладевали технологиями водяной мельницы, поточного производства, искусством многоэтажного строительства, парусного мореходства, и тому подобное. Однако научно-техническая революция позволила цивилизации шагнуть в принципиально новую эру, индустриальную, в мир машин.

Согласно теории технологических укладов и экономических циклов [Кондратьева](#), начиная с 1770 года, цивилизация вступает в новую технико-экономическую эпоху каждые примерно 50 лет. Первобытная эра длилась сотни тысяч лет, аграрная эра - несколько тысячелетий. Но теперь смена технологических этапов происходит во много раз быстрее, что обусловлено законом экспоненциального роста знаний человечества.

XIX век

Новый виток развития индустриализма (1820-1880 гг) создал мир угля и пара, железа и электричества. Паровозы, железные дороги, пароходы, токарные и фрезерные станки, газовые фонари, электрический телеграф изменили мир до неузнаваемости. Неудивительно, что Европа с XIX века представляет собой бурлящий котел идей, движений, стремлений. Появилось поколение людей, которые выросли среди феодальной деревни, а состарились уже среди паровозов и пароходов. Впервые окружающий мир менялся прямо на глазах, в буквальном смысле. Постоянный прогресс вливает в общество все новые и новые социальные группы, множество новаторов и предпринимателей. Активность этих групп тормозили процесс централизации капитала и власти, и усиливали федеративную тенденцию.

Федеративное начало выразилась не только в сотрясении потрепанных Наполеоном европейских монархий, но и в попытках преодолеть буржуазный характер республиканской идеи. Францию, передовую страну, сотрясают революции 1830, 1848 и 1870 гг, имевшие огромные последствия для всей Европы. Причем каждая революция носила все более и более социалистический характер. «Да здравствует республика, демократическая и социальная!» - таков был лозунг тех событий.

Доктрина социализма активно развивается и увлекает за собой миллионы интеллигенции, рабочих и даже буржуа. Создается международный союз работников Интернационал, объединивший рабочих со всей Европы. Решающее сражение развернулось в 1871 году, между Парижской Коммуной социалистов и версальской республикой буржуазии. И хотя Коммуна не победила, она оказала решающее влияние на окончательное закрепление республики против реакции монархистов.

Еще одним важным следствием стала дифференциация социализма на два самостоятельных течения: анархизм и марксизм. Анархизм стал самым полным олицетворением демократических и социальных устремлений цивилизации, в то время как марксизм (и ряд схожих направлений) все еще представляли компромисс между свободой и верой в вождей.

Начало XX века

Поздний индустриализм (1880 — 1930 гг) с новой силой преобразил Европу. Символы эпохи — конвейер, сталь, тяжелое машиностроение, двигатель внутреннего сгорания, электрическое освещение, неорганическая химия. Баланс между федералистской и централистской тенденциями цивилизации — Республикой и Империей — географически был распределен неравномерно. К началу XX века европейские монархии все еще доминировали, но при этом сильно обуржуазились и стали либеральнее, чтобы не отставать экономически. Таковыми являлись Германия, Австрия, Россия и Турция. В то же время олигархия Франции и Британии стремились закрепить господство за собой, не дать немецким империям вырваться вперед. С военной точки зрения они заметно уступали на суше, поэтому посредством дипломатии и кредитов им удалось переманить Россию (хотя по сути царский режим был самым централистским).

Схватка за мировое доминирование - Первая Мировая Война - привела к победе олигархическую либеральную модель. Однако победа оказалось неполной. Развалившиеся было монархии воспряли с новой силой в виде модернизированных диктатур, известных под названием тоталитарных (нацизм, фашизм, большевизм). Первая война оказалось лишь генеральной репетицией по-настоящему мировой войны 1939-1945 гг. Те же причины, те же основные участники, те же результаты. Только в этот раз англо-франко-американская олигархия позаботилась ликвидировать немецкую империю. Титул ведущего локомотива централизма перешел к российскому красному абсолютизму. Чуть позже к нему присоединятся маоистский Китай и другие красные диктатуры по всему миру.

В первой половине XX века, кроме грандиозного сражения между Республикой и Империей, федералистское начало выразилось в более радикальной попытке достичь своего идеала. Со времени Парижской коммуны Европа ожидала всеобщей социальной Революции, как вполне предопределенного события. К тому времени социальные движения были представлены двумя крупными течениями: анархизмом и марксизмом. Марксисты хотели добиться социальной справедливости, захватив государство (через парламент, в ходе заговора или посредством революции), анархисты же настаивали на немедленной ликвидации государственного аппарата и социализации (передачи в руки работников) собственности.

Первая мировая война ослабила правящие классы в ряде воюющих стран и в феврале 1917 года революция вспыхнула в России. Через год началась революция в Германии, а во многих других странах сложилась революционная ситуация. Позже были революции в Китае и Корее. Однако наибольшего успеха революция достигла в Испании в 1936, где возобладали не марксисты, а анархисты. Только помощь союзных Франко итальянских и немецких фашистов, а также молчаливый заговор Англии и Франции против революционной Испании переломили ход революции в пользу реакции. Вторая мировая война уже подступала и мировые державы сделали Испанию тренировочным полигоном.

Так или иначе, социальная революция проиграла повсеместно. Более того, в революционных странах возобладала жесточайшая реакция. Были установлены авторитарные режимы еще

жестче старых, вплоть до тоталитаризма. «Левые» режимы большевиков и маоистов оказались еще хуже «правых» режимов фашистов и нацистов. Тоталитаризм везде жизделся на диктатуре партии, и проводил массовые репрессии и террор против народа в невиданных прежде, промышленных масштабах. Счет шел на десятки миллионов, что сравнимо с бедствием крупной войны.

Здесь необходимо сделать отступление от основной темы, концепции развития цивилизации, чтобы подробно рассмотреть вопрос реинкарнации авторитаризма в революционных странах.

Корни тоталитаризма

Феномен тоталитаризма в просвещенном XX веке казался немыслимым, невообразимым. Это заставило усомниться в самой гуманистической идеи, дало почву для мрачных прогнозов. Самые яркие из них выразилось в произведениях Оруэлла «1984» и Хаксли «О, дивный, новый мир». Индустриальная эра обнажила скрытые, неочевидные закономерности социальных отношений.

Любая идеология и общественное движение, мировоззрение как таковое, кроме рациональных аргументов обладают и эмоционально-образной, психологической притягательностью. Это свойство может создать огромную разницу между сознательными ценностями, провозглашаемыми идеологией, и чувственным содержанием, которое улавливается неосознанно. В конечном итоге, пройдя через призму подсознания человека, мировоззрение может задеть совсем другие мотивы и желания, нежели озвученные на бумаге.

Какие факторы влияют на такую двойственность человеческого разума? Характер человека формируется средой воспитания и психологической атмосферой места обитания. В начале XX века разительно меняется образ жизни человека. Индустриализация призывает из сельской местности огромные массы крестьян, происходит резкий рост городов. Быстрый темп городской жизни, культурные новшества и возможности образования раскрепощают личность. В то же время, городские рабочие поддерживают тесную связь с деревней, большинство их и вовсе приезжают сезонно. Моральными нормами рабочих все еще остаются ценности сельской общины, взаимопомощи и справедливости. Такие понятия как самоорганизация, самоуправление интуитивно ясны большинству общества, в нем еще высок уровень общинности. Весь спектр демократических движений имеет массовую поддержку.

Однако, с ростом урбанизации все больший вес набирает другая тенденция - атомизация. Рвутся социальные связи, растет общественное разобщение, человек ощущает одиночество даже в толпе. Город с его скоростным ритмом и конкуренцией разрушает традиционность, как с ее отрицательными, так и положительными сторонами. Одновременно с раскрепощением личности, ростом индивидуального сознания, ослабевала естественная взаимосвязь между людьми.

За двадцатилетний период между двумя войнами, массовое сознание европейцев делает гигантский сдвиг в сторону авторитаризма. Еще в 10-х гг. люди полны уверенности в лучшем

будущем. Еще безраздельно правит дух просвещения и гуманизма, анархисты и социалисты на международных съездах клянутся предотвратить надвигающуюся бойню. Повсюду восхищение и солидарность с российской революцией (о красном терроре еще почти неизвестно). Английские докеры отказываются обслуживать военные грузы, направленные войскам интервенции в Россию. Солдаты в окопах братаются и вместе отмечают рождество. Национал-патриотический угар проходит, осознается бессмысленность войны.

30-ые годы уже совсем иные. Многие европейские и американские политики открыто восхищаются итальянским фашизмом, русская революция перерождается в ленинско-сталинский тоталитаризм, почти все отвернулись от испанской революции. Вторая война проходит с массовыми зверствами, целые города обращены в руины, ни о каком братании солдат и речи не идет. Немецкие антифашисты с горечью отмечают, что наиболее ревностные сторонники нацизма — молодые рабочие, родившиеся в 20-х гг. А ведь вплоть до 1939 года в Берлине были рабочие районы, куда нацисты боялись заходить.

Причина таких ментальных перемен - в новых поколениях, выросших во время лавинообразной урбанизации. Подавленные гигантизмом городов и заводов, наполненные стрессом сверхбыстрого ритма жизни и городского шума, пресыщенные назойливой рекламой и пропагандой в СМИ, горожане испытывают чувство собственной ничтожности, отчужденность.

Ощущая собственную обезличенность, люди интуитивно тянутся:

- к эмоционально ярким идеям, чтобы компенсировать серость и убогость собственного существования,

- к деструктивным образам и действиям, чтобы компенсировать ощущение бессилия,

- к образам вождя и сверхколлективизма (нация, родина, раса), которые не только наказывают врагов и защищают, но и дарят чувство сплоченности, социальной связи.

В чистом виде эти желания удовлетворяются любым видом тоталитаризма, о чем великолепно написал Эрих Фромм в [«Бегство от свободы»](#).

Несмотря на общий демократический и интернациональный дух, многие анархисты и, в особенности, социалисты оказались — в духе времени - подвержены эффекту индустриально-урбанистической отчужденности. Очень многие из них на деле разошлись со своими идеями, поддались ура!-патриотическому угару и оказались авторитарны во время революции. Это объясняет почему немало анархистов и эсеров переметнулись к большевикам, а также сползание испанской CNT к бюрократизму и участию в республиканском правительстве. При этом в полуаграрных регионах такого крена к авторитаризму не наблюдалось. Махновщина, и даже левоэсеровские проекты, вроде атаманщины Григорьева и Зеленого, всю дорогу оставались достаточно демократическими движениями.

Конечно, особенности индустриальной эры не объясняют почему возникла реакция. Франции потребовалось четыре революции, чтобы окончательно закрепить республику. Но эти особенности объясняют, почему реакция была такой жесточайшей, почему достигла формы

тоталитаризма. Массовая психология позднейшего индустриализма исказила федералистские устремления и даже временно укрепила централизм в виде тоталитарных режимов.

Эпоха автоматизации

Вторая мировая война стала порталом между двумя технологическими эрами: миром индустриальным и миром автоматике, первой ступенькой информационного общества. Государства начинали войну с гужевым транспортом и дизелем, а закончили с реактивным двигателем, компьютером и ядерным оружием. Никогда прежде мир не менялся так радикально за несколько лет. Цивилизация овладела силой атомного ядра, органической химией, реактивной тягой. Человечество преодолело земное притяжение и вышло в космос.

Но главным новшеством стала электроника, пока еще аналоговая. Началась автоматизация производства, которая вызвала резкий рост производительности труда. Впервые удельный вес промышленных рабочих стал сокращаться. Для обслуживания новых технологий расширялась образование, появилось массовое студенчество. Вырос целый общественный слой инженерно-технических работников.

Общество, во многом сохранившее авторитарную психологию военных лет, стало оттаивать. В 1968 в Европе и США стартует Культурная революция. Появляются массовые движения против колониальных войн во Вьетнаме и Алжире, распространяются контркультура и феминизм, зарождается идеология «**новых левых**», нравы раскрепощаются. Культурная революция оказало громадное воздействие на весь мир, придав новый импульс общественной жизни и политическим движениям. Даже «красные» Россия и Китай не остаются в стороне, их авторитарные режимы смягчаются. Несмотря на ренессанс социально-революционных движений, после 60-ых годов в обществе уже нет угрозы авторитарного реванша, революционная волна сходит на нет. Развернувшаяся городская герилья 70-80-х не находит поддержки народа и терпит поражение, точно также как и герилья российских революционеров после революции 1905 года.

Важно подчеркнуть, что новые веяния возникли именно за Западе, считавшимся форпостом демократии. По сути западная «демократия» представляет собой *бизнескратию*, т. е. правление буржуазии посредством парламента. Другими словами, позднереспубликанский олигархический Рим с его мещанским и праздным духом. С распространением новых культурных тенденций, образования, новых социальных групп, федералистскому началу становится тесно в этом компромиссе между свободой и тиранией. В итоге режим прогнулся и стал интегрировать в себя достижения культурной революции, разумеется, в урезанной версии.

В то время Европа, разрушенная войной, испытывает серьезный недостаток рабочих. Привыкнув к городскому качеству и комфортному образу жизни, люди не стремятся к черным тяжелым работам. Собственные деревенские массы развитых стран уже исчерпаны еще в индустриальную эру, поэтому их роль выполняют иммигранты. Франция привлекает алжирцев, Германии — турок, Британия - пакистанцев. Развитие коммуникаций позволяет крупному

капиталу обрести форму гигантских транснациональных корпораций. Англо-европейская цивилизация распространяет свое влияние на весь мир. Формируются глобальные Север и Юг, мировые Центр-Периферия.

Технологическая экспонента, быстрый прирост инноваций способствуют малому и среднему капиталу, который за счёт мобильности и гибкости быстрее приспосабливается к меняющимся рынкам. Экономическая децентрализация противостоит монополизации примерно на равных. Таким образом, олигархическая республика удерживает равновесие между централистской и федералистской тенденциями.

Неоднородность цивилизации постиндустриальной эпохи выразилось в холодной войне. Ось централизма сместилась от Германии к России и Китаю. Прогноз прямой войны с применением ядерного оружия был слишком неопределенный. Поэтому борьба между советским блоком и западом заключалась в гонке вооружений, экономическом соперничестве и военно-политическом противостоянии и конфликтах в странах Третьего Мира.

С ускорением технического прогресса стало очевидно все большее отставание советского блока. Вертикально-плановая экономика оказалась менее эффективна, чем рыночная. Менталитет человека власти — бюрократический — в управлении сложными динамическими системами показал свою меньшую способность, по сравнению с менталитетом человека капитала. Авторитаризм еще мог конкурировать на политическом и военном полях, но оказался бессилён в поле социокультурном. Советская автократия так и не смогла создать привлекательный образ жизни для среднего обывателя, не смогла достаточно раскрепостить психологическую атмосферу для экономических и технических кадров (что им жизненно необходимо для работы) без угрозы для собственного существования. Впрочем, автократию это не спасло.

Информационное общество

В 1990, после длительной стагнации и радикальных реформ, СССР рухнул. В масштабе всей планеты олигархическая Республика одержала решающую победу над Империей. Запад стал эталоном для всего мира, а США остались единственной сверхдержавой. НАТО продолжил дожимать мировые осколки Империи, разгромив Югославию и Ирак, а также фундаменталистов в Афганистане.

Конец Холодной войны сопровождался активным внедрением пятого технологического уклада: цифровой электроники. Это привело к массовому распространению персональных компьютеров и созданию единого информационного пространства — интернета. Сверхнасыщенность коммуникациями, беспроводная мобильная связь, интерактивный интернет и социальные медиа сделали мир по-настоящему информационным. Образ жизни человека западной цивилизации растиражировался повсеместно. Еще недавно традиционные регионы - Китай, Индия, арабские страны - ментально стали копиями Америки (в городах).

Информационная эра активно выравнивает цивилизацию в географическом плане. Признанные университеты больше не являются монополистами лучшего образования. То же самое качество успешно воспроизводится другими учебными заведениями. Вслед за перемещением промышленности в другие страны огромное значение приобрел аутсорсинг — перемещение производственных функций. Китайские и индийские программисты стали создавать продукцию мирового качества. Бразилия, ЮАР, Китай, Сингапур, Индия на глазах становятся идентичными западным экономикам: те же бизнес-процессы, стратегии и кадры. Недавнее разделение на глобальные Север и Юг видоизменяется, бывшие колониальные страны сами выходят на мировой рынок технологий, составляя конкуренцию США и Европе.

Коммуникационные технологии коренным образом меняют экономику. Копирование — возможность мультидоступа к одной той же ценности - фактически уничтожило право интеллектуальной собственности. Любое ноу-хау почти мгновенно становится публичным достоянием, как и любая новость. Конкурентное преимущество теперь достигается вовсе не наличием хороших товаров и услуг. Способность к систематическому креативу уникального контента и моментальная реализация его на рынке - стержень новейшего бизнеса. Недостаточно иметь крутую идею и капитал, сегодня необходимо мочь регулярно создавать крутые идеи, чтобы удержать лидерство.

Гиганты реального сектора — нефти и машиностроения — теперь разделяют топ-списки с новыми IT-лидерами — Google, Apple, Microsoft, Facebook, Amazon. Посредством интернета стали возможны массовая розничная торговля, а также электронные аукционы и биржи. Объемы торговли интернет-магазинов приближаются к полутора триллионам долларов.

Многопрофильные корпорации-гиганты со сложной бюрократией потеснились перед малым и средним бизнесом. На смену приходят узкая специализация и максимальная гибкость, чтобы чутко реагировать на мельчайшие изменения рынков. Сами рынки расщепляются на все более узкие и краткосрочные, жизненный цикл товара уменьшается. Массовое производство стремится к демассификации, персонализации товаров. Все актуальнее становится микротаргетинг, причем из экономики он быстро перетек и в политику (яркий тому пример - нашумевшая победа Трампа).

Принципиальное отличие экономики новой технологической волны в том, что знания — в отличие от других ресурсов — неисчерпаемы; знания, в отличие от земли, капитала и материальных продуктов, можно копировать; увеличение знаний приводит к еще более крутому росту знаний. Более того, ценность ряда инновационных товаров стала определяться их распространенностью. IP-телефония вроде Skype или социальные сети Facebook ценны именно за счет массового применения. Главный товар цифровой экономики — алгоритм, информация — ее валюта.

Новые тренды радикально меняют подход компаний к работникам. Теперь требуется вовсе не послушный исполнитель у конвейера, а свободомыслящий инициативный «партнер». Менеджеры стремятся создать дружескую, неформальную атмосферу, чтобы раскрепостить

творческий потенциал личности. Работник стал привередлив, не желает быть объектом эксплуатации. Теперь сменить работу раз в 2-3 года стало обычным делом.

В целом, благодаря новым технологиям в мире все сильнее заявляет о себе **потребитель**: производитель и потребитель в одном лице. Множество волонтеров (спасатели, сейсмографы, программисты, учителя) ежедневно выполняют работу, за которую обществу пришлось бы платить, не будь их. Один из заметных эффектов *потребительства* - перекладывание части производственных функций (диагностика, выбор оптимального маршрута, автоматический магазин) на самих потребителей. Например, диагностика устройств в домашних условиях, выбор оптимального маршрута авиаперелета, самообслуживаемые автомойки и супермаркеты. По оценке социолога и футуролога Элвина Тоффлера протребительский сектор экономики сравним с традиционным ВВП стран.

Всемирная сеть создает условия для разнонаправленных социальных изменений. Свободное информационное пространство и интерактивные технологии производят революцию в образовании. Любые знания и навыки, всевозможные курсы и семинары отныне доступны в онлайн и офлайн формах. Впервые в истории образование - одна из первопричин разрыва доходов и положения в обществе — стало доступно любому желающему (с оговоркой: где доступен интернет и человек не должен работать 10-12 часов чтобы выжить).

В то же время ультра быстрый ритм городской жизни, урбанистический гигантизм, информационная зашлакованность, раздутые медиа угрозы вроде эпидемий, терроризма, катастроф порождают в человеке сильную тревогу, подавленность, одиночество и скуку. Причем уровень беспокойства и напряженности еще выше чем в 20-30 гг прошлого столетия. Всё более интерактивный Виртуальный Мир, индустрия развлечений и массовый туризм позволяют временно избегать негативных эмоций и отчуждения.

Медиа среда позволяет переживать суррогат урезанных из жизни эмоций, потребительская шкала ценностей замещает отсутствие реальных целей и стремлений. Вместо целостного мировоззрения людей приучают к сегментированному, обрывочному знанию и стереотипам. Однако отчуждение лишь вытесняется в глубь психики, чтобы проявиться в виде болезней, внезапной агрессии, неврозов, бытовых конфликтов, немотивированного насилия и преступности. Рынок медпрепаратов и психотерапии разросся как никогда прежде.

Бешенный ритм жизни, информации и ценности потребления повсеместно привели современную культуру к постмодернизму. Изображения Че Гевары на футболках в западных обществах, или американского флага на улицах Китая стали чем-то самим собой разумеющимися. Постмодерн уничтожил контркультуру, превратив ее символы в товар на рынке. Субкультуры трансформировались, их грани и сущность оказались размыты.

В отличие от XX века с его «массовым обществом», теперь стремиться «быть - как все» просто смешно. Отчетливо проступает тренд на дифференциацию личности. Каждый хочет иметь собственную индивидуальность, какой бы поверхностной она ни была. Веб-соцсети позволяют конструировать свою персональность заново, иметь несколько персональностей.

Вождённой мечтой стало привлечь к себе внимание интернета хотя бы на минуту, количество лайков стало синонимом чувства собственного достоинства.

Что дальше?

Достижение технологической экспоненты в конце XVIII века сделало дальнейший ход цивилизации крайне динамичным. В классическое противостояние федералистской и централистской тенденциями вмешались социальные-культурные феномены, вызванные индустриализацией. Характер этого вмешательства оказался крайне противоречивым и нелинейным.

Сегодня, в 2017 году, прогресс стремительно движется вверх по технологической экспоненте: каждые три года суммарные знания человечества удваиваются. Цивилизация находится в фазе вступления в следующий технологический уровень. Он несёт новшества, ещё недавно считавшиеся фантастикой: наноэлектроника, биоинженерия, дополненная реальность. Взрывной рост новых технологий уже происходит, в течении ближайших 25 лет они изменят окружающий мир до неузнаваемости. Это вызовет волну социальных потрясений во всех смыслах.

Интернет вещей виртуализирует окружающее пространство, медицинские имплантаты станут обыденностью. 3D-принтеры станут использоваться в промышленных масштабах. Финансовая система децентрализуется, Япония уже признала криптовалюту, [Bitcoin](#), платёжным средством. Представьте, напоминающий торрент алгоритм начал двигать в бок мировую банковскую систему! Криптовалюты перестали быть хобби для энтузиастов, уже бизнес вкладывается в крипту.

Образование, этот крайне консервативный институт, претерпит кардинальные изменения. Нынешнее образование до сих пор заточено под массовое общество с его одинаковостью помноженной на гигантизм. Оно никак не соответствует потребностям новой экономики. Поэтому система классов и оценок, стандартизация учебных подходов и тестов уйдут в прошлое. Образование приобретёт более дифференцированный и персональный характер.

Внедрение биотехнологий в разы снизит антропогенную нагрузку на природу. Использование биомассы для производства удобрений и топлива, систем капельного полива, спутников и сенсоров для наблюдения за состоянием посевов, а также развитие генно-модифицированных агрокультур — вероятно! — остановят эрозию почв и истощение водных ресурсов. Возникнет новая социальная группа из экс-крестьян, которые приспособятся к информационному обществу, минуя стадию индустриализма. Возникнут поселения постиндустриального типа, с децентрализованным энергообеспечением и наукоемкими технологиями.

Ось экономического могущества сместится в Азию. К 2030 году прогнозируют намного большее количество миллионеров в Китае и Индии, чем в США.

В геополитическом плане Запад продолжит наступление на оставшиеся авторитарные регионы. Арабские страны с 2010 года уже испытывают сложную цепочку политических перестановок. Несмотря на общий демократический дух протестов и цель установить светские

либеральные режимы, они натолкнулись на реакцию исламских фундаменталистов-суннитов в аграрных провинциях. Также на процесс оказали влияние мировые и региональные державы, сепаратисты и фундаменталисты шиитского толка. Апофеозом этих наслоений стала затяжная война в Сирии, где образовалось несколько, примерно равных по силам, фракций. «Арабская весна» закончится революция в Иране, последней крупной автократией помимо России.

Китай, избежавший участи СССР, успешно трансформировался в рыночный капитализм. Несмотря на тот факт, что власть узурпирована партией, по сути политическая система Китая вплотную приблизилась к американской. Верхушка партии теперь обновляется каждые 10 лет, что примерно соответствует 8 годам (два раза по 4 года) правления элиты в Штатах. Вероятнее всего в Китае будут сочетаться относительно мягкий либеральный режим с точечными авторитарными репрессиями. К этой модели также эволюционируют режимы США, ЕС и России, но такая модель не сможет быть устойчива долгое время. Там также пройдут радикальные социальные перемены.

В отличие от Китая, Россия не сделала ничего чтобы выжить. Приход к власти номенклатуры КГБ обозначил стратегию на консервирование общества. Более того, происходит некоторый откат к позднесоветской модели. Структурно в России правит одна и та же элита; экономически — происходит ре-национализация под видом госкорпораций, ставка на экспорт углеводородов и отсутствие модернизации (что привело бы к быстрому отстранению от власти советской номенклатуры); во внешней политике — милитаризм и империализм; во внутренней политике — массовая промывка мозгов идеологией державности.

Элита взяла курс на целенаправленное замедленное загнивание, что будет сопровождаться ростом милитаризации и репрессий. Власть до последнего будет держаться за углеводородную трубу, держа личные активы на Западе. Спасти Россию от гибели (в виде международного передела) сможет только революция. Ведь чтобы провести модернизацию, уже невозможно принудить население вкалывать, как это делали при Петре и Сталине. Информационная экономика, наоборот, требует раскрепощения личности, что означает конец для авторитаризма. Именно поэтому российский режим «подмораживает» страну, власть имущие прекрасно понимают, чем грозит их положению наукоёмкая модернизация.

К 2035 году новое время нанесет решающее поражение аграрному обществу: три пятых мирового населения будут проживать в городах. За счёт автоматизации промышленности экономика сможет обеспечить населению сравнительно комфортный уровень жизни. Социальные катаклизмы, связанные с дефицитом, останутся в прошлом. Необходимый минимум трудовых мигрантов будет инициироваться искусственно, путем создания локальных военных конфликтов, зон стихийного и техногенного бедствий.

Отсутствие дефицита вовсе не будет означать преодоление социальной реакции. Движущей силой реакции всегда является отчуждение человека. Оно рождает авторитарный тип личности, являющийся социальной основой фашизма любого вида. Также, отчуждение выражается в «племенных настроениях». Их отличительной особенностью является сверхколлективизм и поклонение символам рода или территории. Наряду с традиционными разновидностями

«племенников» (националисты, спортивные фанаты, оккультисты) возникнут и современные — технофобы-примитивисты. О психологических корнях реакции рекомендую Э.Фромма [«Здоровое общество»](#)

Преодоление реакции в принципе невозможно в рамках цивилизации, построенной даже на частичном авторитаризме, эксплуатации и дискриминации. Угнетение человека - питательная среда для всевозможных реакционных течений. Угнетение личности исчезнет лишь тогда, когда цивилизация окончательно утвердит в себе федеративное начало. Это даст возможность каждому человеку реализовывать себя социально и творчески каждый день, а не замещать свое бытие суррогатами развлечений, «сжигателями» времени.

Краудсорсинг — новая социальная революция

Информационная эра принесла решающие изменения, цивилизация качнулась в сторону федерализма. Дело не столько в победе Запада над автократиями. Ведь на примере римской культуры мы видим, что олигархическая республика сама по себе лишь промежуточное состояние между тиранией и свободой. Всё дело в общем духе демократизации жизни, падении границы между людьми, раскрепощении личности.

Мир переживает радикальные культурные перемены, как в 1968, но глубже. Новые поколения развитого мира не стремятся к накопительству, которое является психологическим фундаментом буржуазного духа. Молодежь не покупает дома, квартиры, автомобили, а предпочитают брать их в аренду. Вместо долговой кабалы доходы тратятся на личный опыт и впечатления от путешествий, хобби, участие в творческих проектах и общественной деятельности.

Новые технологии предоставляют людям беспрецедентные возможности для развития и кооперации. Как грибы после дождя растут открытые сетевые проекты. Система отзывов и обратная связь обеспечивают отбор качества. Профессиональные инвесторы потеряли свою монополию: теперь перспективные проекты — стартапы — получают инвестиции также посредством коллективного финансирования, краудфандинга. Любой желающий может выложить свой проект на специализированные веб-платформы и найти вкладчиков. Есть примеры сборов десятков миллионов долларов.

Широкие масштабы приобрел *краудсорсинг*, т.е. коллективное творчество посредством Сети. Всем известная Википедия имеет громадное значение для человечества как глобальный банк знаний. Она создается именно благодаря усилиям миллионов волонтеров по всему миру. Никакая корпорация не способна создать аналог: такой проект возможен только благодаря низовой инициативе, а не деньгам.

Другой известный пример, движение свободного программного обеспечения. GNU/Linux, серверный Apache и Firefox, созданные программистами-энтузиастами, стали массовыми бесплатными продуктами. Веб-сервис Github предлагает всем желающим коллективно создавать программы с открытым исходным кодом. Фрисофт медленно, но верно, завоевывает все большее

пространство. Даже корпорации перенимают методы фрисофта, например, Google открыла исходный код Android и каждый желающий может создавать приложения для него.

Краудсорсинг и копирование создают общественные ресурсы также путем социализации интеллектуальной собственности. Изобретение торрентов сделало ненужным центральное хранилище данных, теперь файлы хранятся на жестких дисках миллионов пользователей, их компьютеры связываются для обмена напрямую. Таким образом стало невозможным заблокировать пиратский контент. Сервис Sci-hub предоставляет доступ к десяткам миллионов научных работ, минуя авторское право и оплату, и тем самым способствуя свободному изучению науки.

Сети распределенных вычислений аккумулируют производительные мощности компьютеров для решения разнообразного круга задач. Расшифровка генома, проектирование химических формул и сложных молекул белков, взлом паролей путем перебора, хранение данных и даже анализ космических сигналов для поиска разумной внеземной жизни (проект [SETI@home](#)). Задумайтесь, мощность одной только биткойн-сети в сотни раз превышает суммарную мощность всех суперкомпьютеров на планете!

Общество содержит почти бесконечное количество капитала (в широком смысле слова), и прямо сейчас оно обретает инструменты для концентрации и применения этого капитала. Создается по сути анархический сегмент экономики (и общественной жизни в целом), который по оценкам футуролога [Элвина Тоффлера](#) сопоставим по объемам с «традиционным» ВВП.

В целом, *краудсорсинг* и *потребительство* (от *производство* и *потребление*) радикально усиливают федералистскую тенденцию. Яркий пример *потребления* — *Vlablascar*. Водитель является потребителем своего автомобиля, но одновременно производит транспортную услугу другим людям. Происходит важнейший сдвиг в массовой психологии: люди привыкают участвовать в горизонтальных структурах и самостоятельно решать многие задачи, причем лучше чем государство или коммерческая компания.

Современные коммуникации стали инструментом преодоления отчуждения. Миллионы людей обсуждают все сферы жизни на форумах и блогах, соцсети координируют массовые протесты. Прогрессивное сообщество всегда на шаг впереди государства. Отключение сотовых станций во время протестов преодолевается *Firechat*, идентификации в сети и сбор пользовательских данных — *Tor* и *VPN*. Возник целый сегмент в интернете, *darknet*, который доступен только через *Tor*. Государство постоянно проигрывает в том, чего достиг индустриальный гигантизм: контроль на массовой информацией и всепроникновение бюрократии.

Если индустриальная эпоха разрушила социальность, то сегодня происходит *ре-социализация*. Благодаря уровню развития коммуникаций с новой силой возрождается социальная автономия и гибкость, коллективные формирование мнений и участие. Общество движется в сторону все большей саморегуляции. Этот процесс вполне можно назвать *киберсоциализацией*.

Прямо сейчас происходит гораздо более глубокий процесс, чем битва Республики с Империей. Миллионы людей по всей планете учатся Свободе без посредников, производительность этой новой социальной формации растет в экспоненциальной прогрессии.

Современные коммуникации практически ликвидировали транзакционные издержки. Когда-то в средневековые федерации свободных городов нужны были недели и месяцы, чтобы их делегаты могли встретиться и договориться о совместных действиях. И короли использовали по полной свое преимущество быстрых решений, разбивая города по одному. Теперь же скорость принятия решений в крупных иерархических структурах — государствах и корпорациях — подошла к своему структурному пределу, и стала уступать возможностям координации горизонтальных структур.

В информатике применяются ряд законов по оценке эффективности информационных сетей:

Закон Сарнова: Полезность вещательной (односторонней) сети прямо пропорциональна количеству её пользователей. Это соответствует сетям теле- и радио-вещания, когда пользователи могут только принимать информацию.

Закон Меткалфа: Полезность двусторонней сети приблизительно равна половине квадрата численности пользователей. Это соответствует раннему интернету, когда пользователи могут обмениваться мнениями.

Закон Рида: Полезность социальной сети находится в экспоненциальной зависимости от числа ее участников. Это соответствует нынешнему интерактивному интернету, когда пользователи могут свободно самоорганизовываться группы.

Очевидно, что даже самое либеральное и гибкое государство, в лучшем случае, может достичь только промежуточного уровня между законами Сарнова и Меткалфа. Потому как любое государство все равно иерархично, и внутри оно может организовать только обратную связь для чиновников нижнего уровня и дать им некоторую автономию. Позволить же нижестоящим исполнителям принимать решения без одобрения вышестоящих чиновников — а тем более вопреки их воле! - будет означать ликвидацию самого принципа государства.

Федералистская тенденция подводит общество к новому уровню Свободы. В самых развитых странах всё больше протестов проходят под флагом демократизации. Уже подступает в умах вопрос: действительно ли текущий политический строй передовых стран - олигархическая республика, она же бизнескратия - соответствует провозглашенным гуманистическим принципам? Соответствует ли либеральный политический режим критериям истинной демократии, а именно - прямому участию гражданина в управлении?

Идея государственности находится под все возрастающей угрозой со стороны стремительно самоорганизующегося общества. На повестке дня единственный вопрос — **когда именно** станет очевидно из ежедневной практики, что политика также может быть построена путем краудсорсинга?